

Карлик, евнух и банкир

Интуиции современного государства в Вестеросе

Александр Марей

Кандидат юридических наук, преподаватель-исследователь,
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Адрес: ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Российская Федерация 236016

E-mail: fjodalgo@gmail.com

Статья посвящена анализу механизмов взаимодействия власти, денег, знания и силы в контексте премодерного общества, описанного Джорджем Мартином в «Песни льда и пламени». Автор отмечает, что Мартин создал практически уникальную картину – общество, примерно соответствующее Европе позднего Средневековья, лишённое государства, но напоенное его интуициями, предчувствиями. В рамках этого общества основными ценностями становятся личная верность, любовь, физическая сила и красота, то есть, качества, свойственные большей части главных героев. Однако будущее оказывается за другими людьми: карлик Тирион Ланнистер заботится о благе простого народа, евнух Варис олицетворяет власть знания, финансисты Петир Бейлиш и Иллирио Мопатис представляют собой власть денег. Наконец, Дейенерис Таргариен, после смерти ее мужа и рождения у нее драконов, также становится не столько человеком, сколько живым символом грядущего нового миропорядка. Ее атрибутами становятся абсолютная мощь, представленная драконами, и полное уравнение граждан будущего государства, символизируемое армией евнухов-безупречных. Таким образом, противостояние старого и нового, феодализма и модерна в романе Мартина идет не только на уровне социально-политических конструкций, но и на уровне эстетического противопоставления. Причем, выигрыш, по всей видимости, остается за уродливым новым временем.

Ключевые слова: власть знания, власть денег, власть оружия, авторитет, господство, Таргариены, Ланнистеры, Вестерос

Вводные замечания. Вопросы метода

Мир «Льда и пламени», созданный Джорджем Мартином, похоже, занял в западной интеллектуальной культуре ту же нишу, что и повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» в культуре позднесоветского периода. Фантастическое допущение¹, введенное Мартином в свой текст, не позволяет считать его как рассказ о каких-либо реальных событиях или об отношении автора к реально суще-

© Марей А. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192x-2020-4-160-182

1. Точнее, даже два: во-первых, Мартин создает новый мир с узнаваемой, но все же фантазийной географией; во-вторых, применительно к самому пространству текста таким допущением является рождение драконов — для большинства героев «Песни льда и пламени» драконы представляются чем-то уже легендарным. Если мысленно вычестить эти два допущения (и их следствия) из саги Мартина, она превратится в весьма подробный исторический роман о войне Алой и Белой Розы.

ствовавшему Средневековью. С другой стороны, популярность эпопеи Мартина как у американского, так и отечественного читателя не оставляет шанса отнести к «Песни льда и пламени» как к обычной развлекательной литературе. Очевидно, что эта эпопея затронула какие-то серьезные болевые точки современного общества, что делает возможным изучение ее именно под этим углом. Мир Мартина, несмотря на наличие в нем магии и даже драконов, уверенно опознается западным читателем как свой, органически связанный с прошлым реальной Европы. Потому и ценности, надежды и страхи Вестероса представляют собой отражение аналогичных чувств и ожиданий современного западного общества, помещенное в пространство воображаемого прошлого.

Тем интереснее, что, выбирая время действия своей эпопеи, Мартин остановился на аналоге европейского позднего Средневековья, образца примерно середины — конца XV столетия. Общество Вестероса, описанное им, опутано сложной сетью феодальных отношений² и при этом лишено государства³.

Общество подобного типа непросто придумать и очень сложно корректно описать. Такое описание уже само по себе представляет собой весьма серьезную и непростую задачу, так как современное государство, в рамках которого мы все сейчас живем, «производит и навязывает мыслительные категории, включая те, посредством которых следует осмыслять его самого» (Волков, 2018: 12). Весьма велик риск того, что автор, поставивший перед собой цель осмыслить и изобразить общество без государства, начнет, говоря словами П. Бурдьё, «думать за государство» и использовать для описания категории, порожденные государством (Бурдьё, 1999: 125). Мартину, как представляется, удастся обойти этот риск. Практически вся его сага — это игра на контрасте между рушащимся в бездну междоусобиц феодальным миром и предчувствиями, интуициями того нового порядка, что может прийти ему на смену, т. е. современного государства. Если же выйти за пределы его текста и попытаться взглянуть на мир «Льда и пламени» со стороны, как на пример евроамериканской культурной традиции эпохи позднего модерна, окажется, что в тексте саги собраны наиболее яркие страхи и ожидания, которые современное общество связывает с государством, с его становлением или, напро-

Термин «фантастическое допущение» взят мной из переработанного в статью интервью О. С. Ладыженского и Д. Е. Громова, опубликованного на ресурсе «Фантмир» (<https://www.mirf.ru/book/chtotakoe-fantasticheskoe-dopuschenie>).

2. Здесь нужно оговориться, что феодализм я трактую, вслед за Ф. Л. Гансхофом, скорее как систему личных связей, нежели как систему поземельных отношений, что предлагал Ф. Энгельс. См.: Ganshof, 1944.

3. В этом моменте я несколько расхожусь с точкой зрения О. В. Кильдюшова, видящего в произведениях Мартина описание типично современного общества, погруженного в реалии квазифеодализма: (Кильдюшов 2020); данное расхождение, впрочем, вполне симптоматично и может быть объяснено как через разницу исследовательской оптики (взгляд социолога закономерно отличается от взгляда историка-медиевиста), так и через сходство позиций. Мы оба воспринимаем мир Вестероса как «свой» для современного западного общества.

тив, крушением⁴. В связи с этим следует отметить почти полное отсутствие исследований «Игры престолов» в рамках политической философии. Есть буквально пара работ, авторы которых пытаются рассматривать событийный или портретный ряд саги Мартина с позиций Томаса Гоббса или Никколо Макьявелли, и одна, по-настоящему сильная статья, в которой Джессика Уолкер привлекает для анализа «Игры престолов» цикл исторических хроник У. Шекспира (см.: Littmann, 2012; Schulzke, 2012; Walker, 2015). Впрочем, и эта работа больше посвящена философско-историческим вопросам, нежели политико-философским.

Анализ интуиций государства в текстах Мартина требует ряда предварительных замечаний. Прежде всего необходимо очертить основные границы общества классического Вестероса, наметить механизмы взаимодействия отдельных его частей друг с другом, выделить его базовые ценности. Лишь затем можно перейти к тем фигурам или событиям, которые, как кажется, взламывают этот порядок, вводя на его место иные реалии, прежде чуждые миру Вестероса. И, наконец, после этого станет возможным говорить о том, кто (или что?) идет на смену старому порядку, рассмотреть те лики государства, которые периодически проступают через плотную ткань повествования о битвах, грабежах, предательствах, убийствах и насилии.

Время

Анализ социального и политического устройства Вестероса необходимо начинать с рассмотрения его истории, так как сразу несколько принципиальных моментов, касающихся господства, авторитета и истоков наиболее важных конфликтов, коренятся в давнем (или не очень давнем) прошлом мира «Льда и пламени». Структура исторического времени саги Мартина уже сама по себе позволяет сделать некоторые наблюдения и выделить два основных прошедших времени и одно — настоящее.

Первый слой можно охарактеризовать как «легендарное прошлое». Он аккумулирует все легенды и мифы Вестероса, в том числе и самые политически важные — мифы об основании⁵. Сюда относятся мифы о Детях Леса, Первых людях и основании королевства Севера, о приходе андалов и о войне семерых богов, положившей начало еще шести королевствам Вестероса, легенда о Нимерии — королеве ройнаров — и о завоевании ройнарами Дорна и, наконец, легенда о крушении Валирийской империи в результате какого-то стихийного бедствия и о гибели драконов. Эти мифы, как правило, либо звучат из уст старых персонажей, претендующих на обладание некоей жизненной мудростью (такова, например, ста-

4. В этом смысле предельно любопытной выглядит «слепота» авторов исследований по «Игре престолов», которые не видят, что речь идет об обществе, не знавшем государства. См., например: Littmann, 2012.

5. Подробнее о мифах об основании (creation myth/foundation myth) и их роли в политической мифологии см.: Eliade, 1963; von Franz, 1978; Мелетинский, 1975, 1998; Неклюдов, 2000; Штейнман, 2019 и указанную там литературу.

рая Нэн из Винтерфелла, рассказывающая Брану о приходе долгой зимы и войне Иных с Первыми людьми) (GoT, Бран-4: 161–162), либо их рассказывают люди, почерпнувшие эти знания из книг, чаще всего мастера (рассказ мастера Лювина Брану и Рикону о приходе Первых людей и, затем, андалов) (GoT, Бран-7: 468–470). Между тем обрывки сведений о событиях или реалиях тех времен встречаются в повествовании почти постоянно, а некоторые краткие упоминания о них входят даже в описание домов Вестероса, собранное в приложении к тексту (см. историю дома Дорна).

По наиболее полным версиям этих мифов можно при желании выстроить историю Вестероса в хронологическом порядке: дети Леса, согласно мастеру Лювину, жили в «начале времен» (в тексте Dawn Age, в русском переводе «эпоха Зари») и не имели ни политических, ни торговых институтов⁶. За двенадцать тысяч лет до описываемых в книге событий появились Первые люди, прямыми потомками которых считают себя жители Севера. Они владели бронзой (в то время как вершиной искусства детей Леса была обработка обсидиана), умели ездить верхом, не знали какой-либо устоявшейся религии. В результате долгой войны между детьми Леса и Первыми людьми был заключен пакт, который, по словам Лювина, положил конец началу времен и начало Веку героев. Этот век длился 4 тысячи лет, и именно к этому периоду относится упомянутый выше рассказ старой Нэн про зиму и приход Иных. Тогда же на Севере была воздвигнута Стена и возник Ночной дозор. Век героев завершился с приходом Андалов, которых от Первых людей отличало владение сталью и развитая религия — культ Семи Богов. Они повели войну на уничтожение против прежнего населения, оттеснили детей Леса на Север, отняли у Первых людей шесть королевств из семи, кроме непосредственно Севера. Еще несколько веков спустя Нимерия, королева ройнаров — речного народа, жившего по реке Ройн, — привела флот размером в 10 тысяч кораблей и захватила Дорн, положив начало существующему на момент повествования дому Дорна. Наконец, еще какое-то время спустя в результате чудовищного катаклизма непроясненной природы в два дня рухнула и исчезла с лица земли Валирийская империя⁷, славившаяся высочайшим уровнем технологии, в частности непревзойденным искусством обработки металла, но прежде всего драконами. Среди осколков империи оказывается, в частности, крепость Драконий камень, в которой держали свою резиденцию Таргариены — представители одной из знатных семей Валирии. Спустя еще полтора века после падения империи Эйгон Таргариен вместе со своими сестрами Висеньей и Рейенис объявил войну королевствам Вестероса и успешно покорил шесть из семи, все, кроме Дорна.

6. Сами дети Леса помнят о себе больше. В частности, они рассказывают Брану о своем родстве с великанами, что лишний раз заставляет задуматься о том, можно ли считать их людьми.

7. От себя замечу, что описания того, что произошло с Валирией, сочиненные Мартином, очень напоминают ядерный удар и его последствия. В ряде мест упоминается, что даже обладание какими-либо вещами, вывезенными из руин Валирии, может оказаться гибельным (ср. случай с валирийским рогом у Эурона Вороньего Глаза).

С этого момента начинается второй слой исторического времени Вестероса, который я бы определил как «политический». Он охватывает правление династии Таргариенов, от Эйгона Завоевателя до Эйериса II Безумного, то есть период в неполные 300 лет. Несмотря на очевидную важность того периода (взять хотя бы то, что счет лет в мире Вестероса ведется от завоевания Эйгона), о нем в саге говорится гораздо меньше, чем о легендарной эпохе, предшествовавшей ему. Нет практически ни одного цельного повествования о королях-драконах, хотя отдельными упоминаниями, отсылками, аллюзиями на это — недавнее — прошлое и его действующих лиц текст почти переполнен.

Это показывает, что эпоха Таргариенов еще весьма жива в памяти и не успела стать историей *stricto sensu*, в отличие от эпохи появления андалов и Первых людей. Цельный нарратив о том времени еще не сложился, он существует пока лишь в виде нескольких трактатов, упоминающихся в тексте, но в коллективную память пока не вошел. Есть и еще одно серьезное отличие в ролях, которые играют в книге Мартина два слоя исторического времени. В «легендарное» уходят своими корнями все великие дома и королевства Вестероса, непрерывность этого времени обеспечивает целостность общей сюжетной канвы саги. В «политическом» укоренены все основные конфликты, развивающиеся в книге, завязаны все те узлы, которые приходится распутывать — или рубить — на протяжении всей опубликованной на данный момент эпопеи. Иными словами, «легендарное» время играет роль стратегическую, а «политическое» — тактическую.

Отмечу и еще один важный, как мне представляется, момент: примерно в середине правления Таргариенов их последние драконы умирают. Магия уходит из мира, и к моменту наступления «настоящего времени» саги Мартина в этом мире остается только политика. Рождение драконов у Дейенерис в конце первой книги саги становится проколом в реальности мироздания, точкой возвращения в рациональное — мистического, моментом сращивания «легендарного» времени с временем «политическим».

«Настоящее время» мира «Льда и пламени» охватывает собой период правления династии Баратеонов, а точнее, Баратеонов и Ланнистеров. Оно начинается незадолго до первых событий «Игры престолов», с восстанием Роберта Баратеона, Эддарда Старка и Роберта Аррена против законного короля и с последующим убийством Эйериса II. Таким образом, если легендарное время Вестероса — это история хаоса, из которого вырастает порядок, а политическое время — история этого самого порядка, то настоящее время — это время его обрушения и нового хаоса, гражданской войны. Война эта замирает на 15 лет правления Роберта Баратеона, а затем возобновляется вновь. О причинах возобновления войны говорит один из главных участников былого мятежа, ближайший друг Роберта, его десница Нед Старк. В разговоре Роберт, вспоминая свержение Эйериса, сетует на то, что трон достался ему, а не одному из его соратников — Старку или Аррену, — на что получает ответ от Старка, поясняющий ситуацию (GoT, Эддард-7: 204). «You had the better claim, Your Grace», — говорит королю Эддард.

То есть новый порядок, замиривший королевство на 15 лет, был основан не на законе и не на обычае. В его основу было положено *личное притязание* (и, как следствие, личное право) феодального лорда, оказавшееся на тот момент сильнее, чем аналогичные притязания его соседей и соратников. Ситуация могла бы выправиться при наличии у Роберта законных детей: аналогичное *притязание* его сына и наследника было бы основано уже на праве наследования. Именно об этом говорит тот же Эддард Старк, обращаясь к Серсею в тронном зале и заявляя, что Джоффри не является законным наследником погибшего короля: «Your son has no claim to the throne he sits» (GoT, Эддард-14: 341). Итог известен — непризнание целым рядом лордов королевства *притязаний* Джоффри и Серсеи на трон привело фактически к продолжению войны, начатой Робертом и Недом пятнадцать лет назад.

Власть и общество

Упомянутый факт лишний раз иллюстрирует механизм формирования королевской власти в Вестеросе эпохи поздних Таргариенов и затем Баратеонов. Король сам по себе оказывается фигурой достаточно слабой, его власть обуславливается прежде всего согласием одних и невмешательством других подвластных ему лордов. Основную роль среди них играют представители так называемых «великих домов»⁸, ведущие свой род или от бывших правителей Семи королевств, или от сменивших их ставленников Эйгона Завоевателя и правящие в настоящее время одной из крупных областей Вестероса. Из их числа король назначает четырех «хранителей» (Севера, Юга, Запада и Востока), из них же, как правило, выбирается самая могущественная фигура всего королевства — «Десница короля». Существуют варианты — и Мартин их упоминает — когда десница оказывается слаба и не обладает реальной властью. Но это возможно лишь в одном из двух случаев: либо на троне оказывается по-настоящему сильная личность, властный и умный правитель, либо, напротив, туда садится безумец, подобный последнему Таргариену, убитому в итоге собственным гвардейцем. Нельзя, впрочем, не упомянуть и третью возможность, страшную именно своей реальностью, а именно совпадение первого и второго вариантов, умного, сильного, прозорливого тирана и убийцу на троне. Однако любой из названных вариантов обнаруживает основную слабость политического устройства Вестероса — оно все оказывается предельно зависимо от личного фактора, практически никакой институциональной «страховки» у него нет⁹.

Теоретически подобной «страховкой» мог бы выступать, пожалуй, единственный более-менее стабильный властный институт монархии Таргариенов, а затем

8. Старки, Аррены, Талли, Ланнистеры, Тиреллы, Баратеоны и Мартеллы.

9. См. предельно любопытный анализ обойденной мной стороны властных отношений Вестероса — того, что можно определить как «женскую власть», в статье М. Д. Марей, вошедшей в этот номер (Марей, 2020).

и Баратеонов — Малый совет. В нормальном состоянии он включал в себя, помимо ближайших родственников короля и нескольких представителей высшей наследственной знати королевства, десницу короля, лорда-командующего королевской гвардии, мастера над монетой (т. е. главу финансовой службы), мастера над шептунами (разведка и контрразведка) и верховного мастера (как представителя Цитадели — местного аналога университета). Опять-таки, в штатном режиме на заседаниях Совета председательствовал или сам король, или его десница, решения принимаются либо в результате коллегиального обсуждения, либо единоличной волей короля. Однако, как можно видеть из текста, Малый совет тоже оказывается насквозь пронизан личными связями и практически полностью зависим от их констелляции. Есть и еще одно обстоятельство: состав Совета комплектуется королем в силу его разума. Таким образом, при сильном короле оказывается достаточно сильный Совет, и наоборот. Так, Совет Роберта Баратеона, отнюдь не самого добродетельного и мудрого монарха, выглядит жесточайшим контрастом с Советом, созванным Серсеей после смерти ее отца и бегства брата. Более того, каждый из членов Совета (за одним исключением — мастера над шептунами, о котором подробнее будет сказано ниже) оказывается занят прежде всего собой, а уж затем, в меру сил и способностей, делами королевства.

На первый взгляд еще одним исключением выглядит Петир Бейлиш, мастер над монетой. Поначалу он производит впечатление человека, озабоченного сугубо проблемами финансового благосостояния королевства. При этом решает он эти проблемы весьма успешно, задействуя все доступные ему ресурсы: он берет деньги в долг из дюжины разных источников (от нескольких Великих домов до Железного банка Браавоса) и отдает их снова в рост под проценты; он развивает торговлю и делает еще разные вещи. По сути, Бейлиш описан как умелый и опытный финансист, то есть фигура, характерная более не для Средних веков, но для эпохи модерна. Но это ощущение если и не развеивается, то серьезнейшим образом корректируется после весьма показательной характеристики, которая дается ему в «Битве королей»: «Он всюду пристраивал своих людей. Хранителей ключей, всех четверых, назначил он, а также королевского счетовода и королевского воеводчика, и начальников всех трех монетных дворов. Из десяти портовых смотрителей, откупщиков, таможенных сержантов, сборщиков пошлин, скупщиков шерсти, ростовщиков, винокуров девять были людьми Мизинца. <...> Никому не приходило в голову оспаривать эти назначения — да и зачем бы?» (СоК, Тирион-4: 220). Сам выходец из незнатного рода, Бейлиш проводит вполне понятную линию: назначая везде своих людей, преданных ему лично, он постепенно становится незаменимым звеном системы управления державой¹⁰. Однако, достигнув предела своего карьерного роста, он практически перестает заниматься финансами коро-

10. Не зря Тирион приходит в ужас, когда его отец, лорд Тайвин, отправляет Бейлиша с посольством в Долину, а мастером над монетой назначает Тириона. Он оказывается во главе ведомства, все люди которого реально подчинены не ему, а Бейлишу. Тирион же не имеет нужных контактов, а значит, реальной власти над деньгами королевства.

левства и ввязывается в дворцовые интриги с целью увеличения личного влияния и богатства.

Общество¹¹ Вестероса также предстает, скорее, конгломератом малых сообществ, нежели чем-то единым и систематизированным. Нельзя даже назвать его разорванным или расколотым, поскольку каждое из этих двух слов подразумевает предшествующую расколу целостность, а здесь ее не было даже близко. С огромной долей условности можно выделить в Вестеросе три основных слоя населения (воины, духовенство, земледельцы и ремесленники), отдельно оговорив, впрочем, что они не являются ни сословиями¹², ни тем более классами. Наиболее подробно в саге описаны именно воины, в то время как духовенство и простолюдины, хотя и упоминаются многократно, систематического описания не получили. Поэтому сделанные утверждения я проиллюстрирую примером именно страаты воинов.

Каждый из великих домов Вестероса, возглавляемых великими лордами, имеет в своем подчинении ряд домов меньшего масштаба, главами которых являются простые лорды. Тем, в свою очередь, подчиняются обычные рыцари, у каждого из которых есть по одному или несколько оруженосцев. Механизм подчинения и властвования в данном случае один и тот же — это вассальная присяга со стороны нижестоящих, подразумевающая, с одной стороны, службу вассала сеньору за феодал, полученный от него, с другой же — покровительство сеньора, оказываемое им вассалу. Эти механизмы не прописаны и не формализованы в тексте Мартина, так что об их соответствии «аналогам» из реального Средневековья можно лишь догадываться. Отдельно в плане социальной организации воинов стоит королевство Севера. Оно, как говорилось выше, не было захвачено и трансформировано андалами, оставшись владением Первых людей. Рыцарство же, теснейшим образом связанное с культом Семерых богов, принесли с собой именно андалы. На Севере место рыцарей занимают так называемые «вольные всадники». С известной долей условности их можно приравнять к рыцарям, однако по сути они ими, конечно, не являются. Соответственно, на Севере гораздо слабее выражена и «феодалная лестница», широко распространенная в других частях Вестероса.

Таким образом, перед читателем предстает несколько крупных социальных «пирамид», на вершине которых стоят великие дома, под ними же по расширяющейся идут все остальные. При этом ни одна из этих «пирамид» не обладает внутренней целостностью, но, напротив, состоит из подобных ей фигур, только меньшего объема, ведь каждый лорд, даже и незначительный, тешит себя иллюзией самостоятельности и независимости (пусть на словах, пусть хотя бы в мыслях!) от остальных, в том числе от своего сеньора. Нет целостности и на более высоком уровне: история Вестероса знает множество войн и отдельных битв между теми

11. Сразу оговорюсь, что в данном тексте я использую слово «общество» не в его техническом смысле, т. е. не подразумевая наличия в Вестеросе общества, характерного для периода позднего модерна.

12. Развернутую критику использования термина «сословие» применительно к реалиям Западной Европы (а Вестерос куда больше похож на нее, чем на Россию) см. в статье М. А. Бойцова (Бойцов, 2017).

или иными лордами, но в ней не известно ни одного случая, чтобы король всех Семи королевств поднимал бы свое знамя, собирая под него всех рыцарей своей державы. Более того, даже молодой принц Эйгон, вторгающийся вместе со своими наемниками в пределы Семи королевств в самом конце «Танца с драконами», не рассчитывает встретиться в бою с большим королевским войском. Напротив, он строит свои расчеты на том, что в королевстве царит раскол и каждый, в лучшем случае, держит руку своего непосредственного сеньора.

Буквально несколько слов можно сказать и о духовенстве Вестероса. Помимо мейстеров оно представлено в Вестеросе служителями Семерых (септоны и септы соответственно), жрецами Красного и Утонувшего богов. О последних в книгах сказано настолько мало, что вряд ли вообще можно сделать хоть какие-нибудь выводы об организации их культа. Что же касается двух ветвей духовенства Семерых, они прекрасно встроены в упомянутые «пирамиды» разного масштаба. Септоны (и септы) привязаны к своим храмам, бродячих священников Семерых в мире Вестероса вроде бы нет. Существует верховный септон, держащий свой трон в Королевской гавани, но, по всей видимости, нет института церковных соборов. Вообще ни об одном собрании септонов в книгах не сказано ни слова, что позволяет предположить их отсутствие. В отсутствие же подобных мероприятий, манифестирующих солидарность значимой социальной группы, вряд ли септонов и септ можно принять за таковую.

На первый взгляд исключением из этого утверждения являются мейстеры Цитадели. Они объединены общим местом обучения, униформой, знаками различия, наконец, профессией. Но они разрознены как географически, так и политически. Их призвание — служить лорду того замка, куда направит их Цитадель, и это оказывается сильнее и личных симпатий (вспомним беседу Лювина с Теоном после взятия последним Винтерфелла), и профессиональной солидарности (Пилос, молодой мейстер Драконьего камня в прологе к «Битве королей», не только не вступает за своего старшего коллегу, Крессена, перед королем Станнисом, но и не препятствует убийству Крессена). Соответственно, и их признать единой сплоченной группой тоже не получается.

Наконец, простолюдины так же встраиваются в ту или иную властную «пирамиду», манифестируя себя как «люди такого-то лорда». Даже те повстанцы, которые вливаются в ряды отряда Берика Дондарриона во время его охоты на Григора Клигана, называют себя «людьми короля Роберта». Тот факт, что Роберта уже нет в живых, означает лишь то, что они хранят свою верность ему как последнему законному королю, но с той же легкостью склонятся перед следующим, которого они признают. Таким образом, можно утверждать, что вся социальная и политическая структура Вестероса в период, описанный в «Песни льда и пламени», строится на связях личной верности и преданности. Подобное общество оказывается весьма привлекательным с точки зрения рыцарского романа, но при этом предельно непрочным и некомфортным для повседневной жизни, особенно жизни обычного горожанина.

Знание, богатство, власть и право в мире Вестероса

Основные ценности Вестероса диктуются его описанной выше структурой. Элитой этого общества являются воины, прежде всего — рыцари, и наиболее значимые ценности определяются именно с их позиций. Поэтому, прежде чем начинать разговор о ценностях, следует отметить упомянутую выше роль личных связей верности, преданности и любви, становящихся настоящими скрепами этого социума.

Верность своему королю или сеньору в одном случае, верность своему дому или своей семье — в другом, является конституирующей чертой характера сразу нескольких персонажей саги, устойчиво опознаваемых как «свои». Таковы прежде всего Эддард и Кейтилин Старки, Тайвин и Серсея Ланнистеры, таков достаточно большой ряд героев второго плана, демонстрирующих верность в каждом значимом своем поступке. Таким оказывается в итоге и Джейме Ланнистер, хранящий верность своим представлениям о чести, своей любви и всеми своими силами служащий своей семье. При этом полным антиподом верности выступает, что естественно, предательство, представляемое в саге не как частный случай порока, но как его квинтэссенция, как порок вообще. Именно своим предательством, а не чем-либо еще оказываются мерзки и Теон Грейджой, и лорд Уолдер Фрей. Именно нарушение однажды данной клятвы, по сути, ситуативное предательство, и ломает жизнь нескольких значимых героев саги. Так гибнет лорд Старк, пошедший из-за верности своим принципам против последней воли своего короля, сеньора и друга, так гибнет его сын Робб, нарушивший слово, данное Фрею. Не гибнет (пока), но остается калеккой Джейме Ланнистер — «Цареубийца» — символической платой которого за его преступление становится в тексте потеря правой руки...

В отличие от верности, преданности и любви, имеющих универсальную ценность, но при этом персональный характер, богатство и знание являются более сложными конструктами, осознаваемыми, скорее, в связи не с конкретными людьми, но с социальными группами. Так, знание в мире Вестероса имеет достаточно четкую социальную или даже корпоративную привязку: оно безусловно признается и одобряется, когда проявляется септонами (в том, что касается культа Семерых) или мастерами (во всем остальном). В остальных случаях знание перестает расцениваться как добродетель и воспринимается, в лучшем случае, как странность или безобидное чудачество (см. отношение окружающих к книгочеству Тирриона, к страсти к книгам Сэма Тарли и т. д.). Второе ограничение касается дозволенности или недозволенности того или иного знания: оно, как правило, хранится под замком, доступ к информации контролируют мастера, но даже им разрешено изучать далеко не все. Отдельные области знания остаются под гласным или негласным запретом и даже попытка вторгнуться в них вызывает осуждение. Так, Квиберн, еще до того, как стать верховным мастером при дворе Серсеи, был изгнан из Цитадели за свое увлечение запрещенным искусством, против Пиата Прея и его колдунов Дейенерис предостерегают буквально все, наконец, Игритт, стоя

на Стене, рассказывает Джону о напрасных поисках Мансом и его людьми рога Джорамуна и упоминает о том, что эта погоня за древним знанием привела лишь к появлению воскресших мертвецов.

Богатство, как и знание, тоже не является однозначной ценностью в Вестеросе, хотя природа этой его неоднозначности иная, чем в случае со знанием. Оно безусловно одобряется лишь в том случае, если имеет естественный характер. Так, золотые прииски Бобрового утеса — родовой земли Ланнистеров — вызывают зависть и восхищение у всего Вестероса, аналогичные эмоции пробуждает и Простор — владение дома Тирреллов, обеспечивающее им устойчивое процветание и экономическую стабильность. Аналогичные чувства переходят с земель на их хозяев — отсюда и завистливая присказка о том, что Тайвин Ланнистер испражняется золотом, и тому подобные шуточки о ряде других лордов. Отмечу, что оборотной стороной такого природного богатства обязательно становятся показная роскошь и щедрость, временами перерастающая в расточительность. Роберт, невзирая на кризис, приказывает собрать роскошный турнир за счет короны в честь своего нового десницы; Серсея организует свадьбу своего сына с размахом, совершенно несоразмерным с бюджетом королевства; в то время как горожане Королевской гавани умирают от голода, в Красном замке закатываются богатейшие пиры¹³.

Совершенно иное отношение проявляется по отношению к богатству, собранному путем торговли или иного труда. Так, уже упоминавшийся здесь лорд Петир Бейлиш, сделавший себе имя и состояние на посту мастера по монете, вызывает у окружающих его лордов Малого совета сложную гамму чувств, он вечно служит им мишенью для насмешек. Они вынуждены принимать его за равного, потому что он им необходим, но не устают подчеркивать свое превосходство над ним. Объясняется это, с одной стороны, его незнатным происхождением, но с другой — что гораздо более важно — его родом занятий. Формально, будучи рыцарем, Бейлиш не гнушается давать деньги под проценты, зарабатывать на сфере услуг, торговать, одним словом, ведет себя как купец, а не как рыцарь и тем более не как лорд. Когда Тайвин Ланнистер назначает мастером над монетой Тириона, это воспринимается и им самим, и многими вокруг как показательное унижение отцом сына. Особенно это подчеркивается неоднократными замечаниями самого Тириона о том, что это был второй раз в жизни, когда Тайвин поручил ему что-то конкретное, — в первый раз это были работы по прочистке канализации Бобрового утеса.

Купец Иллирио Мопатис, о котором я еще скажу дальше, многократно богаче практически каждого лорда Семи королевств и, соответственно, могущественнее многих. Но они относятся к нему с презрением, предпочитая даже не упоминать его по имени, обходясь эвфемизмами. Виной тому не его происхождение — социальная структура Семи королевств достаточно лабильна, наверх может пробиться

13. Все это организуется в полном соответствии с прекрасно описанной в антропологической литературе культурой потлача — престиж, получаемый в результате показного распыления и уничтожения своего богатства путем раздачи его своему окружению, оказывается гораздо ценнее самого богатства.

даже человек, не имеющий ни одного знатного предка, — но именно род его занятый, то есть торговля, которой никогда не станет заниматься ни один уважающий себя воин. Такое же презрение Дейенерис и ее окружение демонстрируют по отношению к богатым торговцам Кварта, Астапора и Юнкая — они не воины, они занимаются унижительным для человека ремеслом, т. е. торговлей, и уже потому не заслуживают к себе отношения как к равным.

Наконец, следует сказать несколько слов о самой, пожалуй, главной ценности мира Вестероса, а именно о власти. Она выглядит настолько фундаментальной и абсолютной в контексте этого мира, что поначалу даже не опознается как самостоятельная проблема. Между тем вся сага Мартина посвящена именно власти, ее осмыслению, вопросам ее репрезентации и символики.

В тексте саги достаточно много описаний того, что можно назвать образами власти. Описываются короны нескольких королей, достаточно большое количество тронных зал и, собственно, тронов¹⁴, однако квинтэссенцией их всех, властью, явленной в себе самой, предстает, безусловно, образ Железного трона Семи королевств. В нем говорит буквально все, каждая деталь. Неоднократно упоминается, что он создан из тысячи мечей врагов Эйгона Завоевателя, сплавленных вместе огненным дыханием дракона. Сиденье, спинка и подлокотники трона изобилуют острыми углами, шипами и незатупленными лезвиями, сидеть на этом троне неудобно, а временами и просто опасно. При этом очередь претендентов на Железный трон не иссякает, хотя многие из тех, кто садится на него, понимают, что это, наверное, не то, к чему они стремились. Власть предстает в этом образе могущественной волей, многократно превосходящей любую частную волю и силу, так же как дракон превосходит обычных людей. При этом власть опасна, она может ранить или даже убить того, кто обращается с ней неумело или просто неосторожно. Это, однако же, не отменяет того, что она крайне желанна и является объектом постоянного страстного интереса со стороны многих людей, хотя получить ее может одновременно лишь один человек — тронов много, но Железный трон один.

Помимо этого образа о власти в тексте саги рассуждают несколько человек. Одно из наиболее интересных суждений принадлежит герою этой статьи — мастеру над шептунами лорду Варису. Беседуя с Тирионом, он загадывает тому ставшую уже знаменитой загадку про наемника с мечом, стоящего между богачом, королем и священником, каждый из которых приказывает ему убить двух других. Несколькими днями позже между ними происходит еще один занимательный разговор, фрагмент которого заслуживает того, чтобы привести его здесь:

— Одни говорят, что власть — это знание. Другие — что всякая власть исходит от богов. Третьи — что она вырастает из права. Однако в тот день на ступенях септы Бейелора наш святейший верховный септон, законная ко-

14. Сравнительный анализ описаний тронов в тексте «Льда и пламени» сам по себе мог бы стать интересным предметом для отдельного исследования.

ролева-регентша и ваш столь хорошо осведомленный слуга оказались так же беспомощны, как всякий разносчик или медник в толпе. Как по-вашему, кто убил Эддарда Старка? Джоффри, отдавший приказ? Сир Илин Пеин, нанеший удар мечом? Или... кто-то другой?

Тирион склонил голову набок.

— Чего ты хочешь? Чтоб я разгадал твою проклятую загадку или чтобы голова у меня разболелась еще пуще?

— Тогда я сам скажу, — улыбнулся Варис. — Власть помещается там, где человек верит, что она помещается. Ни больше ни меньше.

— Значит, власть — всего лишь фиглярский трюк?

— Тень на стене... но тени могут убивать. И порой очень маленький человек отбрасывает очень большую тень (СоК, Тирион-2; перевод несколько скорректирован мной).

Можно отметить, что подобная трактовка власти весьма современна и созвучна тому, как видит этот феномен целый ряд отечественных и зарубежных исследователей. В качестве сравнения можно привести фрагмент из недавно вышедшей монографии под редакцией О. В. Аурова, где он рассуждает о том, что такое власть: «Ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому репрезентация власти — ключевое условие ее бытия: там, где власть не обозначена символически, она как бы и не существует и, наоборот, там, где присутствует символ, власть проявляется как бы сама собой» (Ауров, 2017: 40)¹⁵. Предлагаемая в этом пассаже идея власти как образа, навязываемого волей властвующего и затем поддерживаемого в общественном сознании, представляет собой определенный извод так называемой «волевой концепции» власти, в рамках которой власть понимается как возможность или способность одного субъекта навязать свою волю другому или другим, заставляя их совершить какое-либо действие или воздержаться от такового даже против их воли (ср. также: Ледаев, 2001).

Высказывание Вариса, приведенное выше, позволяет сделать еще несколько утверждений. Во-первых, очевидно, в Вестеросе отсутствует единое понимание власти: мастер над шептунами перечисляет несколько превалирующих трактовок (власть от знания, власть от богов, власть из права), но ни одна из них не является господствующей. Во-вторых, несмотря на это, можно выделить одну константу в понимании власти — она устойчиво трактуется как воля, подкрепленная силой (откуда и образ наемника с мечом в загадке Вариса). Наконец, в-третьих, сам лорд-евнух интерпретирует власть как реципрокное отношение, в котором, с одной стороны (властвующего), проявляется сила и воля, с другой же (подвластного) — обязательно признание. Собственно, центр тяжести в этой трактовке власти пере-

15. Ср. сходное по смыслу заявление М. А. Бойцова в его программной статье «Скромное обаяние власти» о том, что «власть без «облика» не функционирует и даже попросту не существует» (Бойцов, 1995: 37); более подробный разбор отечественного политико-философского, а также историографического дискурса о власти см. в моей статье: Марей, 2019.

носится с проявления воли на его признание, на социальную природу властных отношений, в которых обязательно должны присутствовать как минимум два человека¹⁶.

Подобное понимание власти имеет несколько важных следствий. Во-первых, оно может возникнуть лишь в светском обществе, где нет не то что единой господствующей религии, но даже и устойчивого взгляда на мир, как на творение Божье. В противном случае, как прекрасно известно из достаточно многочисленных и разнообразных примеров, власть толковалась бы как Божественное установление и имела бы иную целевую причину существования помимо установления личного господства одного человека над многими. Во-вторых, подобная — волевая — концепция власти подразумевает существование в обществе уже достаточно развитых представлений о личности и, что естественно, о самостоятельной ценности индивидуального волеизъявления. Наконец, в-третьих, становление и развитие волевой концепции власти проходит, как правило, в условиях формирования современного государства или, как вариант, уже в сформированном государстве. И отсутствие именно этого, третьего, элемента в мире Вестероса сразу создает сильный когнитивный диссонанс, заставляя вчитываться в текст в попытке понять, чего там не хватает.

Есть и еще одна особенность общества Вестероса, на которой следует остановиться перед тем, как перейти к последней части статьи. Это практически полное отсутствие в этом мире права в привычном нам понимании этого слова. Подобное заявление, безусловно, требует пояснения, ведь на первый взгляд с этим в Вестеросе все в порядке — в тексте описывается несколько судебных процессов, в том числе как минимум два (что характерно, оба над Тирионом Ланнистером) достаточно подробно; помимо этого, многократно упоминаются законы, а в Малом совете даже есть мастер над законами (в Совете Джоффри, а затем Томмена эту роль исполняет лорд Киван Ланнистер). И все же ситуация с правом в мире, описанном Мартином, более чем печальная.

Во-первых, в тексте нет ни одного упоминания ни одной книги законов, кодекса, судебника или чего-то подобного. Ни один из лордов или королей, выносивших те или иные судебные решения, не обращался ни к каким записям правовых актов. Все приговоры выносились, основываясь исключительно на устном решении судьи или судей. Что характерно, подобного рода сведений не сохранилось и об эпохе Таргариенов, то есть временах, когда все семь королевств были объединены под одной короной.

Во-вторых, можно обратить внимание на два упомянутых выше судебных процесса, обвиняемым в которых выступал Тирион Ланнистер. Первый из них про-

16. Ср. определение власти, предложенное А. Ф. Филипповым, где власть — это «отношение между людьми, которое наиболее внятным образом проявляется в виде повеления, которому соответствует, на стороне повинующегося, подчинение. Повеление и повинование произвольны, воля есть с обеих сторон. Власть — это не событие повеления, а возможность, ожидание того, что подчинение будет иметь место, если состоится приказ» (Филиппов, 2016).

водила Лиза Аррен в присутствии своего сына, своей сестры и лордов Долины, второй вел Тайвин Ланнистер вместе с Мэйсом Тиреллом и принцем Оберином Мартеллом в присутствии огромного количества публики в Королевской гавани. Оба процесса проходили по одним и тем же лекалам: сначала выдвигалось обвинение, затем обвиняемый его отрицал, после чего начинался опрос свидетелей. По поводу этой процедуры можно отметить, что опрос проводили в обоих случаях судьи, они же до того выдвигали и обвинение. Ни обвинители, ни защитники в процессе не участвовали, право опрашивать свидетелей было только у судей; единственное, что мог обвиняемый, — это предоставить своих свидетелей, если они у него были. Никакие документы в ходе процесса не исследовались и в качестве доказательств или улик не принимались. Наконец, завершился процесс оба раза одним и тем же действием — судебным поединком, известным так же, как Божий суд.

Если собрать все перечисленные принципы действия права воедино, картина сложится вполне однозначная. Мир Вестероса не знает писаного права, на момент, описанный в книгах, он живет исключительно обычным правом. Соответственно, не знает он и инквизиционной процедуры, существующей в Европе как минимум с конца XII века и уже давно ставшей повседневной реальностью для западной культуры. Обычное право, что вполне понятно, еще больше укрепляет власть глав домов и, далее, королей (а точнее, их советников) — ведь именно они, чаще всего — представители старшего поколения, лучше других знают древние обычаи, передающиеся из уст в уста. С другой стороны, практически наверняка можно утверждать, что короли Вестероса крайне редко выступают в роли законодателей, они остаются судьями, хранящими в памяти старые обычаи и в сердце — лекало справедливости.

Новый порядок? Образы государства в саге «Льда и пламени»

Несмотря на отсутствие в мире Вестероса писаного права, там существуют достаточно развитые правила, по которым строится этот мир и развиваются внутри него человеческие взаимоотношения. Есть сформированный набор социально-культурных ролей (король, лорд, рыцарь, жена или дочь одного из них¹⁷, септон, мейстер, трактирщик, крестьянин и т. д.), и большинство персонажей саги вполне вписываются в них. К примеру, рыцарь должен быть (в идеале) красив, строен, прекрасно владеть мечом и копьём, а также искусством верховой езды, должен уметь поддерживать остроумную беседу, быть галантным кавалером в общении с дамами; напротив, он не должен бояться смерти, единственный серьезный его страх — это бесчестье. Рыцарей, соответствующих этому описанию, в книге много — таков Лорас Тирелл, служащий своеобразным эталоном рыцарства, таков Джейме Ланнистер, таков Барристан Селми, таковы легендарные рыцари эпохи

17. Об основных ролевых моделях женских персонажей и о том, как можно действовать вне этих моделей, см. статью М. Д. Марей в этом же номере журнала.

королей-драконов, таковы, наконец, многие из второстепенных и третьестепенных персонажей саги. Лорд, помимо перечисленных качеств, должен заботиться о своем доме и своих вассалах, должен верно служить своему королю. Идеалов лорда в саге показано несколько — это и Нед Старк, и Тайвин Ланнистер, и младший брат Роберта Ренли Баратеон...

При этом в мире Вестероса встречается целый ряд персонажей, которых можно назвать неформатными. Они, в свою очередь, делятся на две неравные группы: в одну, многократно большую по размеру, войдут люди, вылезавшие за рамки, но при этом остающиеся в них, то есть не соответствующие одному или нескольким требованиям, предъявляемым к их социальным ролям, но при этом отвечающие ключевым ожиданиям изнутри и извне романного пространства, и ожиданиям окружающих их персонажей, и ожиданиям читателей¹⁸. В эту категорию входит большое племя бастардов и Джон Сноу как один из них, сюда же попадают карлики, прежде всего карлики-шуты, сюда же — женщины, пренебрегающие ролью, навязанной им обществом и делающие собственный выбор. Вторая группа гораздо меньше и включает в себя всего лишь четырех персонажей, о каждом из которых стоило бы говорить отдельно: Тирион Ланнистер, Варис, Иллирио Мопатис, Дейенерис Таргариен.

Меня же в рамках данной статьи они будут интересовать, скорее, не как личности, но как символы нового времени Вестероса. И, как мне кажется, следует отдельно обсуждать Тириона, Вариса и Иллирио¹⁹ и особо — Дейенерис.

Первый из них — Тирион Ланнистер — выламывается, казалось бы, сразу из всех рамок и условностей. Младший сын одного из знатнейших лордов королевства, хранителя Востока Тайвина Ланнистера, то есть человек, уже по своему рождению автоматически входящий в состав потомственной аристократии Вестероса, наследник Бобрового утеса (ведь старший брат, Джейме, надевает белый плащ), он рождается уродливым карликом. Уже одно это могло бы выделить его — по телосложению он, соответственно нравам эпохи, должен был бы умереть или стать шутом, по происхождению же в Вестеросе мало было людей, сравнимых с ним знатностью и значимостью. Но Тирион к тому же один из умнейших и наиболее начитанных людей Семи королевств.

Его «инаковость» проявляется буквально с самого начала — приехав в свите короля Роберта в Винтерфелл, Тирион затем, единственный из высшей знати,

18. Одним из наиболее ярких примеров подобного рода является Сандор Клиган по прозвищу Пес: принципиально не становясь рыцарем, он ведет себя как рыцарь, участвует в турнирах и сражениях, охраняет короля, и по отношению к Сансе Старк, а потом и к ее сестре проявляет больше достоинства, чем иные телохранители короля Джоффри.

19. Оговорю один важный момент. Вышедший на экраны сериал «Игра престолов», где роли этих трех персонажей исполнили великолепные актеры: Питер Динклэйдж (Тирион), Конлет Хилл (Варис) и Роджер Аллам (Иллирио Мопатис) — серьезно искажает восприятие этих образов в тексте, заставляя видеть во всех троих весьма харизматичных людей. Между тем описание, данное каждому из них Мартином, не оставляет сомнений, что они воспринимались окружающими как уродливые и неполноценные создания.

добровольно едет на Стену, чтобы посмотреть, как там обстоят дела. Это можно трактовать и как досужее любопытство, но лишь сперва. Затем Ланнистер ведет подробные беседы со старшими офицерами Ночного дозора и, когда уже сам становится десницей короля, открывает для посланца Дозора тюрьмы, позволяя набрать людей для службы на Стене. Во время своего пути на Стену, а затем возвращения в Королевскую гавань (куда он в тот раз так и не доехал) Тирион останавливается в обычных гостиницах, общается с обычными же людьми, не ища общества, равного ему по знатности. Даже по дороге на суд, куда его везет Кейтилин Старк, Тирион умудряется завербовать наемников, а на обратном пути — завоевать доверие диких горских племен, поступающих в итоге к нему на службу. Некоторое время спустя, когда он прибывает в ранге десницы короля в Королевскую гавань, он оказывается чуть ли не единственным, кого там заботят не собственная значимость и власть, а проблемы общего плана. Именно он готовит город к обороне от подступающих войск Станниса, а затем и возглавляет оборону, именно он пытается хоть как-то решить проблемы городской коррупции (смена начальника городской стражи), а затем и преступности, именно он — один из всех властей предрежащих — занимается проблемой голода, терзающего население Королевской гавани.

Безобразный карлик, ненавидимый значительным количеством горожан не столько за то, что он делает в городе (разрушение домов, стоящих вплотную к городской стене, регулирование продаж продовольствия, обязательный наряд всем городским кузнецам и т. д.), сколько за собственное уродство, он оказывается сильным лидером для тех, кто способен к нему прислушаться. Однако его настоящей отличительной чертой становится не харизма (которой у него практически нет), а способность ставить общее впереди частного, видеть картину в целом, заботиться не о себе, а о вверенном ему городе. Еще раз уточню важное — именно в целом, не о частном благе того или иного ремесленника, но об общем благе города и королевства.

Варис — лорд-мастер над шептунами, по сути, глава разведки и контрразведки Семи королевств — представляет собой одну из наиболее ярких и интересных фигур Вестероса, интересных и нестандартных. Из окружающих его лордов Варис выделяется прежде всего внешне, своим физическим уродством — он евнух, кастрированный в далеком детстве. Отличается он и происхождением: Варис родился не в знатной семье и даже не в Семи королевствах — он сын раба из города Лис, выбившийся в люди благодаря своей голове и железной воле. Попав ко двору Эйериса II, он становится там мастером над шептунами и сохраняет за собой эту позицию при последующих монархах: Роберте Баратеоне и его преемнике Джоффри. Созданная им система сбора сведений о внешних угрозах и внутренней измене также привлекает внимание. Отмечу, что службы, аналогичные той, что создал Варис, в реальном мире начали появляться лишь в Новое время, в эпоху укрепления государства. Средние века не знали искусства разведки и особенно контрразвед-

ки, в античном мире, несомненно, были попытки создать секретные службы, но по размаху им было далеко до детища Вариса.

Выделяется Варис среди прочих героев саги и своими политическими взглядами. Он во многом из-за своего увечья не имеет личных политических амбиций и не рвется к власти. Отсутствие подобных стремлений (а даже если бы они и были, то полное отсутствие всяких перспектив) позволяет Варису видеть королевство как целое и последовательно противостоять всем тем, кто хочет разодрать его на части, добываясь тех или иных частных благ. Лейтмотивом мастера над шептунами с самого начала саги становится его служение королевству²⁰. В этом он, кстати, отчасти схож с мастерами Цитадели, но те служат каждый своему замку, а Варис — всему королевству в целом, как он его понимает. В известной степени Варис с его убеждениями, с созданной им системой разведки и контрразведки королевства, с отсутствием личных политических амбиций и при этом с убежденностью в необходимости единой сильной власти в едином же королевстве выглядит анахронизмом среди всех остальных лордов, каждый из которых рвет себе все, что только может урвать. За счет этого его высказывания, в том числе и теоретические относительно власти, правления и организации королевства, выглядят авторской позицией самого Мартина, Варис получается своеобразным «лирическим героем», как бы провокативно эти слова ни звучали.

Третий из выделенных мной людей — богатый пентошийский купец Иллирио Мопатис. В далеком прошлом — браави, вор и наемный убийца, он познакомился, а затем и подружился с Варисом, зарабатывавшим тогда на жизнь всем, чем мог, т. е. воровством, проституцией и т. д. Вместе они вскоре перешли от воровства денег и драгоценностей к торговле информацией. В результате на момент смерти Роберта Баратеона Иллирио Мопатис — один из могущественнейших людей Семи королевств и вольных городов, ведущий торговлю по всему миру, держащий в руках судьбы самых разнообразных людей. Именно он дарит Дейенерис драконьи яйца, определяя тем самым ее дальнейшую судьбу, именно он укрывает Тириона, бежавшего из Королевской гавани, от преследования и переправляет его на Ройн, откуда тот в итоге попадает к той же Дейенерис. Наконец, именно он, в тесном контакте с Варисом, ведет на трон Вестероса молодого принца Таргариена, Эйгона, спасенного от гибели много лет назад. В целом дуэт Варис — Иллирио представляет собой прекрасно сработавшуюся команду серых кардиналов, где Варис олицетворяет власть знания, а Иллирио — власть денег. После своего побега из Королевской гавани к ним примыкает и Тирион Ланнистер с его концепцией правления как заботы о подданных ради интересов королевства в целом.

Если посмотреть на эту тройцу вместе, то следует отметить несколько черт, роднящих их. Они все трое безобразны и вызывают у окружающих, скорее, отвра-

20. В английском тексте — *Realm*, в русском переводе — *государство*. Для обозначения королевства вообще, в целом, Мартин использует именно понятие *Realm*, а не, скажем, *State* или *Reign*. При этом в тексте есть выражения *matters of State* и *reason of State*, хотя и используются они считанные разы: по одному разу Недом Старком и Робертом, один раз — Тирионом.

щение, чем какие-либо иные эмоции. Они лишены не только красоты и восхищения окружающих, но и возможностей, которые есть у других героев саги. Тириону никогда не стать ни лордом Бобрового утеса, ни королем, ни даже любимым мужем; Варису закрыты вообще все пути, кроме того, по которому он идет, — в мужском, по преимуществу, обществе евнуха полноценным человеком не признают; Иллирио, как и было сказано, купец, а значит, по определению, человек неполноценный, второго сорта. Но вместе с тем каждый из этих троих обладает редким для мира Вестероса умением видеть целое и ставить интересы этого целого впереди своих частных интересов и стремлений. Эта особенность, в сочетании с их могуществом, основанным на информации, деньгах и знании простого народа, делает их даже не провозвестниками, но, скорее, символами какого-то нового порядка. Порядка, в котором не будет играть роль физическая красота правителя, порядка, построенного на формальном равенстве подданных перед короной, порядка, основанного на безопасности и заботе о стабильности. То есть порядка, весьма и весьма напоминающего современное государство в его наиболее привлекательной ипостаси.

Дейенерис Таргариен — последний из персонажей саги, о котором мне надо сказать несколько слов. Ее биография достаточно четко делится на три этапа (бегство и изгнание, брак с Дрого, жизнь после смерти Дрого), и, в рамках этой статьи, интерес представляет только третий, последний этап. В начале своих странствий, еще вместе с Визерисом, она представляет собой только потенциальный источник беспокойства для Роберта Баратеона. После замужества за Дрого и особенно после начала своей беременности, став полноправной кхалиси, она входит в игру престолов как очередная, довольно могущественная, но в целом обычная фигура. После смерти Дрого и рождения драконов все меняется.

Само по себе рождение драконов стало, как уже говорилось выше, своеобразным проколом в реальности, тем, чего быть не могло и не должно было, но что все равно произошло. Дейенерис после их рождения становится потенциальной угрозой уже не для очередного короля на троне Вестероса, но для всего существующего миропорядка — мир достаточно давно уже жил без драконов, чтобы вновь привыкать к их присутствию. Применительно к политической игре Семи королевств появление драконов вводит в нее фактор абсолютной, непреодолимой силы. Несмотря на то что завоевание Эйегона произошло уже три века назад, сожжение целого ряда армий вместе с их полководцами, а также гибель Харренхолла вместе со своим правителем оказывается так и не пережитой исторической травмой. О драконах говорят скорее с ужасом, чем с надеждой, и поскольку имя Дейенерис вплотную связывают именно с драконами, оно вскоре начинает вызывать те же эмоции.

Вторым же и последним элементом, завершающим формирование облика Дейенерис как символа грядущих перемен и устройства нового порядка, становится

выкуп ею армии в десять тысяч «безупречных» и последующее освобождение их²¹. Со стороны, из Вестероса, глазам, умеющим не только смотреть, но и видеть, Дейенерис теперь предстает обладательницей оружия неодолимой силы (драконов) и командующей одинаковыми, словно штампованными, солдатами-евнухами. Над Семью королевствами повисает потенциальная угроза уже не тяжелой войны, как это было бы в случае с нашествием дотракийцев, но неминуемого разгрома и установления правления, опирающегося на одинаковых подданных, не имеющих собственных амбиций. Дейенерис становится вторым лицом того самого современного государства, о котором я уже говорил выше применительно к Тириону, Варису и Иллирио Мопатису.

* * *

В заключение подведу краткие итоги. Кажется допустимым предположить, что мир, описанный Мартином в «Песни льда и пламени» соединяет в себе и мечты западного общества, и его страхи. Паралич права, практически постоянная гражданская война, нестабильная финансовая система и в то же время мир сильных мужчин и женщин, мир, в котором каждый получает то, чего может добиться, мир, лишенный столь надоевших в наше время излишних условностей и оговорок. Но этот мир стремительно мчится к своей гибели — сначала гибнут представители старшего поколения, затем начинают погибать их дети и жены. Противостоит же этому миру привычное современному западному человеку государство, строящееся на стабильности и заботе о гражданах. Однако у этого государства есть и другое лицо: ни с чем не сравнимое могущество, иногда слепое и калечащее своих же людей, и грядущая стандартизация подданных — завершение очередного «века героев» и превращение их в обычных, а главное, одинаковых граждан.

Литература

- Ауров О. В. (2017). О варварском и римском в характере королевской власти у вестготов (V — середина VI в.) // *Ауров О. В., Марей Е. С. (ред.). Теология и политика: власть, Церковь и текст в Королевствах Вестготов (V — начало VIII в.). М.: Дело. С. 25–75.*
- Бойцов М. А. (1995). Скромное обаяние власти (к облику германских государей XIV–XV вв.) // *Бессмертный Ю. Л. (ред.). Одиссей: Человек в истории. Представления о власти. М.: Наука. С. 37–66.*

21. Безупречные — евнухи, обязанные беспрекословным повиновением своему хозяину (или, после освобождения, — своей королеве), одни из лучших воинов мира, описанного Мартином. При этом в силу своего физического увечья они лишены возможности добиться хоть чего-нибудь для себя в случае бунта или получить это что-нибудь мирным путем, когда в них отпадет надобность.

- Бойцов М. А. (2017). Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Назаров В. Д. (ред.). Представительные институты в России в контексте европейской истории: XV — середина XVII вв. М.: Древлехранилище. С. 18–32.
- Бурдые П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Шматко Н. А. (ред.). Поэтика и политика. СПб.: Алетейя. С. 125–166.
- Волков В. (2018). Государство, или Цена порядка. СПб: Изд-во ЕУСПб.
- Кильдюшов О. В. (2020). Социальный порядок и политическая теология в «Игре Престолов»: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 139–159.
- Ледяев В. Г. (2001). Власть: концептуальный анализ. М: РОССПЭН.
- Марей А. В. (2019). О Боге и его заместителях: христианская концепция власти // Полития. № 2. С. 85–107.
- Марей М. Д. (2020). Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь Льда и Пламени» Дж. Мартина // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 209–226.
- Мелетинский Е. М. (1975). Поэтика мифа. М.: Наука.
- Мелетинский Е. М. (1998). Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ. С. 419–429.
- Неклюдов С. Ю. (2000). Структура и функция мифа // Аймермахер К., Бомсдорф Ф., Бордюков Г. (ред.). Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX. С. 17–38.
- Филиппов А. Ф. (2016). Власть и вирус власти: претензия «быть» всегда // Интернет-журнал «Гептер». URL: <http://gefeter.ru/archive/18293> (дата доступа: 20.11.2017).
- Штейнман М. А. (2019). Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития. № 2. С. 28–47.
- Eliade M. (1963). *Myth and Reality*. N. Y.: Harper & Row.
- Franz M.-L. von (1978). *Creation Myths*. Boulder: Shambhala.
- Ganshof F. L. (1944). *Qu'est-Ce Que La Féodalité?* Bruxelles: Office de publicité.
- Littmann G. (2012). Maester Hobbes Goes to King's Landing // Jacoby H. (ed.). *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords*. Hoboken: Wiley. P. 5–18.
- Schulzke M. (2012). Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli // Jacoby H. (ed.). *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords*. Hoboken: Wiley. P. 33–48.
- Walker J. (2015). «Just Songs in the End»: Historical Discourses in Shakespeare and Martin // Battis J., Johnston S. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire*. Jefferson: McFarland & Company. P. 71–91.

Dwarf, Eunuch, and Banker: The Intuitions of the Modern State in Westeros

Alexander Marey

Candidate of Juridical Sciences, Research Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: Nevskogo str., 14, Kaliningrad, Russian Federation 236016

E-mail: amarey@hse.ru

The article is dedicated to the analysis of the mechanisms of the interaction of power, money, and knowledge in the context of the pre-modern society described by George Martin in *A Song of Ice and Fire*. The author notes that Martin created an almost unique picture of a society roughly corresponding to Europe of the late Middle Ages, deprived of the state, but drunk with its intuitions and forebodings. In the framework of this society, personal loyalty, love, physical strength, and beauty, that is, the qualities inherent in most of the main characters, become the main values. However, the future turns to other people; the dwarf Tiron Lannister cares about the welfare of the common people, the eunuch Varys personifies the power of knowledge, and the financiers Petyr Baelish and Illyrio Mopatis represent the power of money. Finally, Daenerys Targaryen, after the death of her husband and the birth of her dragons, also becomes not so much a real woman as a living symbol of the upcoming new world order. Her attributes are the absolute power represented by the dragons, and the complete equation of the citizens of the future state, symbolized by the army of impeccable eunuchs. Thus, the confrontation between old and new, and between feudalism and modernity in Martin's novel is not only at the level of socio-political constructions, but also at the level of aesthetic opposition. Moreover, the gain, most likely, remains with the ugly new times.

Keywords: power of knowledge, power of money, power of weapons, authority, lordship, Targaryen, Lannisters, Westeros

References

- Aurov O. (2017) O varvarskom i rimskom v karaktere korolevskoj vlasti u vestgotov (V — seredina VI v.) [On the Barbarian and Roman in the Nature of Total Power among the Visigoths (5th — mid-6th Centuries)]. *Teologija i politika: vlast, Tserkov i tekst v Korolevstvah Vestgotov (V — nachalo VIII v.)* [Theology and Politics: Power, Church and Text in Visigothic Kingdoms (5th — Begging of the 8th Centuries)] (eds. O. Aurov, E. Marey), Moscow: Delo, pp. 25–75.
- Bourdieu P. (1999) Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja [The Spirit of the State: The Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. *Pojetika i politika* [Poetics and Politics] (ed. N. Shmatko), Saint Petersburg: Aletya, pp. 125–166.
- Boytsov M. (1995) Skromnoe obajanie vlasti (k obliku germanskih gosudarej XIV–XV vv.) [The Modest Charm of Power (On the Guise of German Sovereigns of the 14th–15th Centuries)]. *Odissej: Chelovek v istorii. Predstavlenija o vlasti* [Odyssey: Man in History. The Notions of Power] (ed. Y. Bessmertny), Moscow: Nauka, pp. 37–66.
- Boytsov M. (2017) Soslovno-predstavitel'naja monarhija: oshibka v perevode? [Representative Monarchy: Mistake in Translation?]. *Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii: XV — seredina XVIII vv.* [Representative Institutions in Russia in the Context of European History: 15th — Mid-16th Centuries] (ed. V. Nazarov), Moscow: Drevlehranilishhe, pp. 18–32.
- Eliade M. (1963) *Myth and Reality*, New York: Harper & Row.
- Filippov A. (2016) Vlast' i virus vlasti: pretenzija "byt'" vseгда [Power and the Virus of Power: The Claim of "Being" Forever]. Available at: <http://gefter.ru/archive/18293> (accessed 20 November, 2017).
- Ganshof F. L. (1944) *Qu'est-Ce Que La Féodalité?*. Bruxelles: Office de publicité.
- Kilyushov O. (2020) Social'nyj porjadok i politicheskaja teologija v "Igre Prestolov": chem kul'tovyj serial interesen dlja teoreticheskoy sociologii [Social Order and Political Theology in the *Game of Thrones*].

- Thrones: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology*. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 139–159.
- Ledyayev V. (2001) *Vlast': konceptual'nyj analiz* [Power: Conceptual Analysis], Moscow: ROSSPEN.
- Littmann G. (2012) Maester Hobbes Goes to King's Landing. *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords* (ed. H. Jacoby), Hoboken: Wiley, pp. 5–18.
- Marey A. (2019) O Boge i ego namestnikah: hristianskaja koncepcija vlasti [About God and His Governors: The Christian Concept of Power]. *Politeia*, no 2, pp. 85–107.
- Marey M. (2020) Ne tol'ko mat', zhena i koroleva: jeticheskie i politicheskie strategii zhenskikh personazhej v cikle romanov «Pesn' L'da i Plameni» Dzh. Martina [Not Just Mother, Wife, and Queen: The Ethical and Political Strategies of Female Characters in George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire*]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 209–226.
- Meletinsky E. (1975) *Pojetika Mifa* [The Poetics of Myth], Moscow: Nauka.
- Meletinsky E. (1998) Mif i dvadcatyj vek [Myth and Twentieth Century]. *Izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Selected Works. Memoires], Moscow: RGGU, pp. 419–429.
- Neklyudov S. (2000) Struktura i funkcija mifa [The Structure and Function of Myth]. *Mify i mifologija v sovremennoj Rossii* [Myths and Mythology in Contemporary Russia] (eds. K. Aimermaher, F. Bomsdorf, G. Bordjukov), Moscow: AIRO-XX, pp. 17–38.
- Schulzke M. (2012) Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli. *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords* (ed. H. Jacoby), Hoboken: Wiley, pp. 33–48.
- Shteinman M. (2019) Transformacija metafory vlasti v XX — nachale XXI stoletija (na primere proizvedenii Dzh. R. R. Tolkina i Dzh. Martina) [The Transformation of Power Metaphor in the 20th — the Early 21st Centuries (The Case of J. R. R. Tolkien's and G. Martin's Works)]. *Politeia*, no 2, pp. 28–47.
- Volkov V. (2018) *Gosudarstvo ili cena porjadka* [State; or, The Price of Order], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- von Franz M.-L. (1978) *Creation Myths*, Boulder: Shambhala.
- Walker J. (2015) "Just Songs in the End": Historical Discourses in Shakespeare and Martin. *Mastering the Game of Thrones. Essays on George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire* (eds. J. Battis, S. Johnston), Jefferson: McFarland & Company, pp. 71–91.